

А. И. КОПАНЕВ

Новые записи на древнерусских книгах

В 1912 г. В. П. Адрианова-Перетц напечатала работу по истории цен на книги в России XVI—XVIII вв., основанием для которой послужили главным образом записи на книгах, сделанные некогда при продаже — покупке их.¹ Более 500 оценок, собранных В. П. Адриановой-Перетц и относящихся к XVI—XVIII вв.,² позволили ей сделать важные выводы об условиях ценообразования и о движении цен на книги за три века. Отметила В. П. Адрианова-Перетц некоторые особенности торговли книгами в то время, а именно большую роль в ней «частных лиц» (т. е. не профессиональных торговцев), выступавших в качестве продавцов книг.³ Такое положение книжная торговля имела прежде всего в удаленных от центра районах Русского государства, где перепродажа книг «частными лицами», т. е. ранее купившими их или получившими по наследству, была основным путем книжного кругооборота.

В этом плане представляют интерес записи на книгах, собранных среди населения в Беломорье и Каргопольском районе Архангельской области археографическими экспедициями Библиотеки АН СССР в 1959—1967 гг. В этих районах старинной исторической жизни шесть последовательных экспедиций Библиотеки собрали 350 древнерусских книг (230 рукописей и 120 книг старопечатных), из которых на 31 книге имеются записи, вскрывающие историю экземпляра. Записи эти свидетельствуют: о продаже книг «частными лицами» (7 записей), о вкладе книг в различные церкви со стороны как «частных лиц» (11 записей), так и волостных миров (3 записи), о покупке и продаже книг монастырями (8 записей), о продаже книг самим писцом (1 запись). В 9 записях находим указания на цену книги.

Хотя количество записей и невелико, однако их группировка позволяет сделать вывод о живом обращении книги в XVI—XVII вв. Именно «частные лица» — крестьяне, горожане («москвитин», «дьяк»), духовные лица («поп», «сторец», «игумен») — выступают продавцами книг, лишь в двух записях отмечено, что книга куплена в монастыре. Судя по вкладчикам, среди покупателей книг (ведь чтобы ее вложить в ту или иную церковь, книгу надо было купить) было больше всего крестьян. Крестьяне покупали книги единолично, иногда соединившись по нескольку

¹ Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. Собрала и обработала В. Адрианова. СПб., 1912.

² Там же, стр. 46—104 (записи, относящиеся к северо-восточной Руси), стр. 104—158 (записи, относящиеся к юго-западной Руси).

³ Там же, стр. 21—25.

человек (родственники), а иногда и коллективно — волостью. Коллективная покупка книг отмечена рядом записей. Так, на Минее общей, изданной в Москве в 1635 г., имеется запись от 6 ноября того же года о том, что эту книгу «положили в храм святого пророка Ильи и святого и великого чудотворца Николы прихожане миром». По упоминавшимся здесь церквям можно предположить, что это были крестьяне Сумской волости. Несколько позже, 8 октября 1637 г., «все крестьяне» волости Шалги Большой (Каргопольский уезд) «дали вкладом» в церковь Парасковьи рукописный Октоих (XV в.) «по своих родителей». Что крестьяне здесь действовали миром, подтверждает заключительная часть вкладной записи: «А вкладную подписал Шалги Большие церковный дьячей Оксенко по их мирскому велению». Крестьяне Вашпанской волости (Белозерский уезд) дали вкладом рукописную книгу Триодь цветную XVI в. в Кириллов-Новозерский монастырь 2 марта 1673 г. Соответствующую запись на Триоди сделал «по мирскому повелению Вашпанские волости преображенский поп Федор Дементьев». Из приведенных записей очевидно, что волость здесь выступает и вкладчиком, а следовательно, и коллективным покупателем книг. Другие источники позволяют предполагать, что покупка книг на волостные деньги была очень распространенным явлением на черносошном Севере. Волость, как установил М. Богословский, здесь почти всегда совпадала с церковным приходом и, следовательно, брала на себя все материальные расходы как по строительству церкви, так и по заведению церковной утвари, икон и книг.⁴ На это есть многочисленные указания в писцовых книгах, относящихся к северным уездам. Приведем несколько примеров. Так, в 1676—1677 гг. писцы Богдан Васильевич Яковлев и подьячий Авдей Карпов, описывая Воскресенский погост Важского уезда, перечислили в двух церквях 27 книг и отметили: «о по скаске тех церквей попа и старожилв церкви и в церквях иконы и книги и всякое церковное строение приходских людей тогоже Воскресенского прихода».⁵ Аналогичная формула употреблена писцами при описании Богоявленского прихода (здесь перечислено 39 книг)⁶ и Попонаволоцкой волости (здесь в церкви Никольской перечислено 19 книг).⁷

Итак, волостной мир, хлопоча о строительстве церкви, должен был закупать и книги для нее, заменять обветшавшие книги и т. д. Если учесть, что в 12 поморских уездах в XVII в. было около 350 сельских приходов (по материалам М. Богословского),⁸ то выйдет, что общее число книг, купленных волостными крестьянами Поморья, достигало примерно 10 тыс. Конечно, волость приобретала главным образом книги богослужебные (книги четьи, впрочем, указываются часто в церковных описаниях), однако наличие их в приходской церкви имело большое культурное значение. Ведь церковь была не только религиозным центром волости, но и центром политическим: здесь в трапезе при церкви собирались волостные сходы, хранился архив волости, находилась касса и т. д. Книги были собственностью волости и часто использовались для вполне мирских дел — как пособие для обучения грамоте. По Псалтыри и Часослову учились дети (эти книги обычно в каждой церкви есть в несколь-

⁴ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, М., 1912, стр. 19—21.

⁵ Рукописный отдел БАН СССР, Арханг., Д., № 629, л. 3.

⁶ Там же, л. 30.

⁷ Там же, л. 47.

⁸ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, стр. 19—20.

ких экземплярах), учились и по другим сугубо богослужебным книгам. Так, на одной Общей минее (М., 1635 г.) вкладчики записали следующие запрещения: «а из храма не выносить, не продать и не заложить и детей по ней не учить».

Как видим, записи на книгах в сочетании с данными писцовых книг о приходских церквях позволяют предполагать, что черносошная волость в XVII в. выступала как коллективный покупатель на книжном рынке. Конечно, крестьяне покупали книги и индивидуально (об этом свидетельствуют вкладные записи), но при дороговизне книги в XVI—XVII вв. это было доступно лишь деревенским богатым.

Сведения о ценах на книги, имеющиеся в наших записях, можно свести в следующую таблицу:

Название книги	Цена книги по нашим записям	Время записи	Цена книги по данным Адриановой-Перетц
1. Евангелие учительное, Вильна, 1595 г.	1 рубль 21 алт. 4 деньги.	Конец XVI в.	Нет.
2. Минея общая, Москва, 1609 г.	2 рубля.	XVII в.	"
3. Кононик, Москва, 1635 г.	Полтора рубля.	XVII в.	"
4. Маргарит, Москва, 1641 г.	6 рублей.	1667 г.	2 рубля (стр. 78).
5. Апостол, Москва, 1648 г.	Полтора рубля.	1652 г.	30 алтын (стр. 51).
6. Житийный сборник, рукопись XVII в., 404 лл., с одной заставкой и инициалами.	2 рубля.	XVII в.	Полтора рубля (стр. 69).
7. Евангелие учительное, рукопись XVI в., 480 лл.	2 рубля 20 алтын с гривною.	XVI в.	40 алт., 1 рубль, 3 рубля (стр. 47).
8. Житие Александра Ошевенского, рукопись, XVIII в.	3 рубля.	XVIII в.	Нет.
9. Маргарит, рукопись XVIII в., малый формат.	10 рублей.	XVIII в.	"

При рассмотрении таблицы мы видим, что наши данные в пяти случаях (№№ 1—3, 8, 9) дополняют «Материалы» В. П. Адриановой-Перетц, а в остальных четырех случаях дают другие варианты цен. Примечательно, что новые варианты цен подтверждают вывод В. П. Адриановой-Перетц о крайней неустойчивости цен на книги.⁹ Так, Маргарит 1641 г. по нашим данным стоит в 3 раза больше, чем по «Материалам» В. П. Адриановой-Перетц, Апостол 1648 г. — в полтора раза дороже, Житийный сборник XVII в. — дороже на полтину, Евангелие учительное — в полтора раза. Если разница в оценке рукописей может быть объяснена индивидуальными их особенностями, то разницу в оценке книг печатных этим объяснить нельзя. Вероятно, цена книги назначалась продавцами произвольно, в зависимости от условий спроса, места и т. д.

Подтверждается нашими данными и вывод В. П. Адриановой-Перетц о вздорожании рукописей в XVIII в.¹⁰ Это обстоятельство подчеркивает наивная запись на Маргарите XVIII в.: «Сей книги цена десять рублей. Еще и не большая, а вещи в ней добрые». В некотором противоречии с выводом В. П. Адриановой-Перетц¹¹ о более высоких ценах на печатные книги по сравнению с рукописями в XVI—XVII вв. стоит оценка

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Материалы для истории цен на книги... стр. 21.

¹⁰ Там же, стр. 27.

¹¹ Там же, стр. 27—28.

печатных книг и рукописей в нашей таблице. Так, рукописное Евангелие учительное в конце XVI в. стоило дороже почти на 1 рубль печатного Виленского издания 1591 г. При этом следует отметить, что цена рукописного Евангелия назначена самим писцом. Об этом можно заключить из записи писца по листам рукописи: «... продал сию книгу Евангелие толковое ... своего варавления и деньги за нея взял все сполна два рубля двадцать алтын з гривною, а подписал ... своею рукою». Принадлежность этой записи писцу очевидна не только из идентичности почерка основного текста рукописи и записи, но и из выражения «своего варавления», что означает «своего письма». Писец при назначении цены исходил, видимо, из своих трудовых затрат на изготовление рукописи.

Каково было реальное значение той цены, которую уплачивал покупатель XVI—XVII вв. за книгу? В. П. Адрианова-Перетц предприняла перевод древних книжных цен на деньги 80-х годов XIX в. (по Ключевскому), но, отметив изменчивость денежного курса, справедливо считает такое сравнение лишь приблизительным по точности.¹² Мы попытались сравнить цены на книги с ценами того времени на хлеб, скот и т. д. и получили следующие результаты. В книге А. Г. Манькова о ценах XVI в. указывается, что четверть ржи в 1600 г. в Москве стоила 40 денег (что составляет примерно среднюю цену ржи за 90-е годы XVI в.).¹³ Следовательно, на сумму, затраченную на покупку Евангелия учительного, изданного в Вильне в 1591 г., можно было купить 60 пудов ржи. Еще дороже стоило рукописное Евангелие XVI в. — писец за него взял, в переводе на рожь, 94 пуда. В XVII в. цена книг оставалась также очень высокой. В оценной книге крестьянских хозяйств Кемской волости 30-х годов XVII в. корова оценивалась одной ценой — полтона.¹⁴ Исходя из этой цены выйдет, что Миняя общая 1609 г. стоила столько же, сколько стоили 4 коровы, а Кононик 1635 г. и Апостол 1648 г. — 5 коров. Рекордная цена уплачена за Маргарит 1641 г. — 6 рублей, что равняется, по тому же расчету, стоимости 12 коров. Из этих сравнений видно, что приобретать книги могли лишь очень состоятельные люди — представители господствующего класса, духовенство и разбогатевшие посадские люди и крестьяне. Приобретение книг посадским приходом, волостями, т. е. коллективная закупка книг, было важным путем проникновения книги внутрь страны и свидетельствовало о тяге широких масс к знанию и книжной культуре.

Книга была, конечно, не только материально дорога, она становилась известной духовной ценностью для крестьянина. Об этом свидетельствует стремление отдельных семей хранить и беречь книгу столетиями. Книга как бы сопровождала сменяющиеся поколения и как символ передавалась от одного к другому. Приведем один интересный пример.

В 1960 г. экспедиция Библиотеки АН СССР получила в доме Балагуровых (с. Шуерцкое) книгу Ефрема Сирина и аввы Дорофея, изданную в Москве в 1652 г. На книге оказалось 5 последовательных записей: первая говорила, что книга куплена 1 января 1652 г. (т. е. в самый день выхода книги) попом Иваном Давыдовым; вторая — что сын попа Иван Иванов эту книгу продал (видимо, своему брату); третья — что внук попа Ивана Давыдова поп Григорий благословил этой книгой не-

¹² Там же, стр. 7.

¹³ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 110—111.

¹⁴ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1966, стр. 186—190.

кого Антона Степанова Глотова; четвертая, что книга в 1844 г. принадлежала крестьянину Шуерецкой волости Василию Никитину Балагурову; пятая — что в 1875 г. книга принадлежала сыну предыдущего Ивану Васильеву Балагурову. Если учесть, что в книге была найдена квитанция на порубку леса в 1907 г., выданная Шуерецким волостным правлением Татьяне Балагуровой, то выходит, что и в XX в. эта книга оставалась в этой семье. Так записи на книгах рассказывают историю книги, ходившей по рукам более чем 300 лет и попавшей, наконец, в Академическое хранилище.
